

Разгулялся по лугам.
Сенокосный праздник лета
Стелет хмель-раву к ногам,
Словно волны покатались -
В изумлении душа.
Ах, сторонка, где родились,
До чего ж ты хороша!
Жарит солнце конопушки,
Синькой брызнули глаза,
Копны в ряд.
- Считай макушки, -
Чьи-то сверху голоса.
Стог поднялся у опушки -
Нынче дружный сенокос.
Крикнул молодец подружке:
- Береги от солнца нос!..
Новый стог встал до заката,
Встал - и радость в голосах.
Пахнут клевером ребята,
Сено в рыжих волосах.
Солнце спать засобиралось,
Млеют люди за кваском.
А девчонка целовалась
Возле стога с пареньком.

Здравствуйте, берёзовые роши

Здравствуйте, березовые рощи,
Я иду к тебе, сосновый бор,
И мечтаю, если скажем проще, -
Не проникнет пусть сюда топор.
Как люблю я крон шатёр зелёный!
Благодать здесь прямо в летний зной,
Земляничный край такой раздольный,
Будто рай небесный предо мной.
Синь небес, цветов весёлых россыпь,
И берёз то строй, а то стена.
Я люблю ходить по травам рослым.
Красотой земли озарена.
Только грусть картину эту портит,
И я знаю грусти той вину.
Как всегда, мне детство в спину смотрит,
У него душа моя в плену.

Наш Амурский багульник

Красота. Среди зарослей буйных
Я увидела розовый цвет.
То зацвёл наш Амурский багульник,
Мая солнечного привет.
Возле сосен, берёзок, вдоль тропки -
Оторвать невозможно глаз,
Побежал он по склону сопки,
Забавляя и радуя нас.
И повыше, повыше кустится,
Зорькой утренней светит вдали,
Как большие, прекрасные птицы,
Отдохнуть от дорог прилегли.
Цвет багульника розово-нежный,
Он волнует меня вновь и вновь,
Бередит моё сердце, как прежде,
И несётся над миром любовь.
Лебединою песней промчался
Этот чудный божественный дар.
Только в памяти и остался -
Погубил всё лесной пожар.

Театральная миниатюра к «Комаровским чтениям» «Светлая душа поэта»

Часть I

Автор: г. Хабаровск. Апрель 1941 года.

На сцене появляется Александр Фурман.

Видит шагающего Комарова, радостно окликает:

- Пётр! Комаров! Ты ли это?

Вот это встреча! Не забыл старого друга?

Комаров: Саша, дорогой мой.

(Бросается к Фурману, пожимает руку, обнимает)

- Да разве тебя забудешь? Какими судьбами в Хабаровске? Я слышал, что ты замполитом в Ромненской МТС.

Фурман: Так я и прибыл на совещание работников сельского хозяйства.

Пётр Комаров: Ну, тогда нам по пути. Я туда же - как представитель прессы. Не забыл нашу жизнь в школе крестьянской молодёжи в Свобод-

ном? В таком красивом особнячке располагалась наша школа! (вздыхает, но весело):

- Как сейчас помню!

Питались, правда, плоховато, но жили интересно.

Фурман: - Да, она в памяти навсегда. И ты в моей памяти, дружище! С юных лет умницей был, а учиться любил! (восторженно)

Помню, за первый курс учебы в Благовещенском техникуме ты получил высшую по тому времени оценку «вус» - весьма успешно.

Пётр Комаров: - Да, было такое, было.

Ты знаешь, Сашок, а у меня радость, я в прошлом году издал свой первый сборник стихотворений «У берегов Амура».

Фурман: Читал я в мартовском номере «Правды» о творчестве дальневосточного поэта Петра Комарова и, признаться, горжусь этим. Ведь Фурман и Комаров - давние друзья.

Пётр Комаров: - Ты представляешь, как мои стихи основательно разбирали и чистили в Союзе писателей в Москве. Не хвалили, нет, упрекнули, что слишком увлекаюсь природой и забываю о людях.

(горячо) А разве это так? В общем, начали за упокой, а кончили за здравие. Мол, талантливый поэт, с будущим.

Для меня эта встреча была большой школой.

(смущенно улыбаясь) Соратники по перу называют меня знатоком флоры и фауны родного Приамурья. Я ведь сознательно выбрал профессию агронома, мечтал о ней. (и, помолчав, закончил):

Но поэтическое творчество и журналистика всё больше и больше увлекали меня. Я живу этим!

Фурман: - А я научился у тебя, Пётр, многому.

Спасибо тебе за науку. Во-первых, уважать достоинство другого. Во-вторых, оказывать помощь другому при любых обстоятельствах, невзирая ни на какие распри и антипатии. Это всегда помогает мне в работе, я ведь с людьми имею дело.

Пётр Комаров: - Не надо меня хвалить, Сашок.

Фурман, перебивая Петра:

А картины своеобразной дальневосточной природы у тебя, действительно, одухотворены.

Часть II

Автор: - Зима 1942 года...Время напряженной работы, хлебных карточек, грохота воинских эшелонов и ночей без сна. Трудное время, полное тревог и напряженной работы - для фронта, для победы. Морозы до -45 градусов. В Комсомольске-на-Амуре развернулась ударная стройка. Краевой комитет обороны решил послать туда выездную редакцию «Тихоокеанской звезды». В её составе были Андрей Пришвин, Никита Галунин, Анатолий Гай, Вадим Павчинский, Юлия Шестакова. Надо было рассказывать о героическом труде людей читателям.

Кабинет редакции.

Юлия Шестакова за столом, пишет.

Никита Галунин, входя в кабинет с газетой в руках, весело:

- Юлия Алексеевна, сегодня телефон устал трезвонить. Читатели в восторге от нашей работы. Если бы Вы слышали слова благодарности...

Юлия Шестакова: - Это хорошо. Только здесь больше заслуги строителей Амурстали. По суткам и неделям люди не уходят домой, работая под открытым небом, под сводами холодных цехов. Это, без преувеличения, героический труд.

Никита Галунин: - Жаль, что Комарова с нами нет, ещё бы ярче были репортажи со стройки. Свалила его болезнь, зараза. Доктор Митрофанов сказал, что нужен покой, хорошее питание и строгий режим. То есть то, чего нет и быть не может.

Юлия Шестакова: - Да, главная тема этого поэта - мирный труд людей, преобразующий облик родного края. Сыновняя любовь к нему, гордость за дела земляков придают его творчеству эмоциональность и убеждённость.

Стук в дверь.

Входит Комаров (в коротком зимнем пальто и серых валенках) (радостно): - Здравствуйте, ребята. Рад вас видеть. Уже давно ищу вас (здоровается со всеми за руку.)

Юлия Шестакова, Никита Галунин и Андрей Пришвин ахнули...

Юлия Шестакова: - Петя! Неужели врачи разрешили тебе командировку?

Никита Галунин: - После такой тяжёлой болезни? (вместе): - Ну, как ты? Мы не знаем радоваться или удивляться, а может рассердиться на тебя?

Пётр Комаров (смущённо):

- Ну, что вы, ребята? Какие могут быть разговоры! Да... Морозец знатный тут. (закашлялся) Ведь на «Амурстали» сейчас так горячо, а я в стороне. И не спорьте. Это моё решение. (весело декламирует):

Советские люди,

Бесстрашные люди -

Вот это и есть Амурсталь!

Андрей Пришвин: - Да, на « Амурстали» сейчас обстановка сродни участку боя.

Юлия Шестакова: - Зоркий глаз твой, Пётр, умеет подметить приметы нового! Это очевидно. Да рады мы тебе, рады. Ещё как рады. Зашиваемся тут. А здоровье, Петенька, побереги...

Пётр Комаров: А жизнь велит: иди,

Иди и не сворачивай с дороги,

И что бы ни случилось впереди,

Увидишь солнце на пороге.

Никита Галунин: - Одевайся теплее! (снимает с шеи шарф и надевает Петру)

Юлия Шестакова: - А мы только что тебя вспоминали. Соскучились по музыке твоих стихов, чеканности фраз. Как там у тебя? (произносит первую строчку стихотворения):

Там рысь - охотница седая -
Идёт, на лапах приседая,
Пётр подхватывает:
- Усатой мордой у воды
В олени тычется следы.
Своё увидев отраженье
В зелёном зеркале ключа,
Она отпрянет на мгновенье,
Поднимет лапу и, урча,
По отраженью лапой бьёт.
И, успокоенная, пьёт...

Пётр Комаров: Пока я искал вас, мне удалось многое увидеть и пережить, вот и стихи родились:

Среди огней терялась мгла,
Весь цех гудел, не остывая,
Как будто рядом пролегла
В тайге дорога фронтовая.

Юлия Шестакова: Здорово, Комаров, уже первые строфы настраивают на тревожное время, в которое железно вписан труд дальневосточников. (вдохновенно). Да ведь это поэтический документ эпохи. (все уходят)

(выходит Александр Фурман)

Последняя наша встреча с Комаровым произошла в марте 1943 года на его квартире в Хабаровске.

Встреча была трогательной, потому что мы долго не виделись. Он выглядел очень плохо. Меня даже в дрожь бросало. Я так боялся не выдать свою тревогу!

(грустно): - После этого мы больше не встретились.

Он был человеком большого гражданского мужества. Мне нравится его поэзия: человеческая, чистая и светлая, как сама его душа.

Автор: - Самое значительное, что было создано Петром Комаровым в годы Великой Отечественной войны, - стихи о героическом, самоотверженном труде дальневосточников, которые вошли в цикл стихов «Новый перегон», «Золотая просека», «Кедр».

Отпуск в Разливной

(сценарий)

Автор: Вечереет. Комаровы собрались у школьного крылечка в Разливной, где они проводили свой отпуск. Друг Комарова, Сергей Феоктистов, приехал к ним в гости. Он сидит на ступеньках крыльца, читая газету.

Нина Яковлевна выкладывает из чемодана привезенные им газеты и журналы. Подвязанный фартуком, с засученными рукавами Комаров стоит

возле костерка и как заправский повар помешивает кухонным ножом грибы в глубокой чугунной сковороде, то и дело поглядывая за околицу, на подёрнутое дымкой раздолье.

Комаров (в полголоса, так, чтобы слышала только жена):

- Нин, а Нин, ты мой первый читатель и советчик, я очень дорожу твоей неподкупной строгостью. Послушай, пожалуйста, мне важно знать твоё мнение:

Сыростью повеяло из рощи
Затихает иволга вдали,
И тумана белые озера
Между синих сопок залегли
Как ночные путники, берёзки
Где-то затерялись на пути
И стоят в озёрах по колено,
Словно вброд хотят их перейти.

Он присел на корточки, приподнял сковородку и, разгребая под ней угли, уже для себя повторил строку нового стихотворения:

- Как ночные путники, берёзки
Где-то затерялись на пути
И стоят в озёрах по колено,
Словно вброд хотят их перейти.

Быстро поднялся, услышав чьи-то шаги.

На тропинке выросла высокая фигура колхозного плотника и общественного инспектора по качеству Игната Толстых. В руках старик держал букетик луговых цветов.

Игнат(степенно кланяясь):

- Здравствуйте всем!

А Это вам, Пётр Степанович, от всего сердца... за внимание к делам нашим...

Нина режет хлеб, ставит стаканы и чайник на стол.

Комаров:

- Спасибо... Тронут...

(передав ромашки жене, подхватил сковородку, перенёс её к столу и пригласил всех)

- Ужин готов. Добро пожаловать на вечернюю трапезу. И вы устраивайтесь, Игнат Алексеевич, давно мне хотелось поговорить с вами.

Игнат:

Да и мне интересно узнать, как Вам пишется у нас?

Комаров:

- Неплохо, неплохо. Вот сегодня накропал:

(читает)

- Огород разрастается густо,

Он укропом и тмином пропах.
Спозаранку одела капуста
Сто золёных и белых рубах.
Разбросав свои ветви по воле,
Огурец между грядок пролёт,
И стручок перезрелой фасоли
Весь набит, как тугой кошелёк.

Игнат: (широко улыбаясь, восхищённо хлопает себя по коленям ладонями)
- Да это ж, птица-курица, про наши разливнинские огороды написано!
Ну, как есть они, едри их... в клюкву-брюкву. И капуста в платьях разных
наша, что княжна персидская, и огурец-молодец. Всё наше.

(восхищённо): Вы настоящий поэт. Наш поэт. Что греха таить, когда
гости приезжие уезжали, разливнинцы всегда радовались. Да и Вас встре-
тили не ахти как восторженно, чем же проявит себя этот хабаровский писа-
тель? А за эти два месяца люди прикипели к Вам, и отпускать не хочется.

Все принялись за еду.

Комаров (подкладывая старику грибы):

- Вы лучше скажите, каков урожай ожидаете?

Игнат: - Надеемся - будет лучше прошлогоднего. Погода нормальная
стояла.

Комаров: - Я вот всё думаю, почему в «Шумном ключе» до сих пор нет
фруктовых садов. Такое красивое название - Разливная, а садов нет.

Игнат (озадачено):

- Право что-то не задумывался над этим. Видно, не климат им у нас.

Комаров (весело):

- Ой, так ли, Игнат Алексеевич? Почему же в Свободном у моего учителя
растут и яблоки, и груши? Тут, рядышком.

Игнат:

- Там поюжнее. А здесь только дикарки.

Комаров (загоревшись идеей):

- А если попробовать? Ей Богу стоит! Покажи-ка всем пример, Игнат
Алексеевич!

Игнат:

- Почему же я?

Комаров:

- Потому что вы садовод в душе и правильно говорили на колхозном
собрании, что всякое дело требует огонька людского.

Игнат:

- Молчу, молчу. (смеётся) Припёрли так, что отступать некуда.

Комаров:

- Тогда по рукам! (жмёт руку старика)

Игнат:

- Ну, да я пойду, дел много

Комаров:

- Я провожу Вас. (остановившись у калитки) Ждите саженцы, обязательно пришлю.

Проводив гостя, постоял молча у плетня, слушая гармошку где-то у Пёры и песню голосистой дивчины.

Произнёс мечтательно:

- А мы всё спорим, всё решаем, какой должна быть наша поэзия? Вот такой же молодой, задорной, увлекающей за собой в мир прекрасного!

(тряхнул вихрастым чубом): - Ну ка, показывай, жёнушка, хабаровские гостинцы. Что-то долго их разбираешь.

Нина:

- Да ты всё уже просмотрел: и газеты, и журналы, и журнал «Дальний Восток» внимательно читал. (обращаясь к Сергею, продолжает, кивнув на мужа:) - вон как глаза его горят счастьем творчества. Я рада за него. Ни дня, ни часа без стихов. Давно поняла, нельзя разлучать его с поэзией, стараюсь не отвлекать его ничем.

Комаров, обращаясь к Феоктистову (шутливо):

- Ну, друг, долго собираешься прятать от меня рукопись своего нового сборника? Ведь редактору положено знать, что подписывать к печати.

Феоктистов:

- Понимаешь, Петя, автору всегда думается, что наконец-то он схватил синицу за хвост, сочинил такое, от чего все ахнут, потому, наверное, и поспешил к тебе в Разливную, а здесь, честно говоря, побаиваюсь тебя. Знаю как ты строг и требователен к стихам как к своим, так и к чужим. Не раз слышал: «Не то, брат, не то...»

Комаров (улыбаясь):

- Так уж и строг... Не преувеличивай.

Феоктистов:

- Было и такое: в сорок четвертом году я публиковал стихи про оленя, помнишь: (декламирует)

Красиво голову закинул,
Издав короткий трубный крик
И, положив рога на спину,
Пошёл тайгою напрямик...

Комаров (кивает, улыбаясь):

- Помню, помню. Я тогда сказал: «Недурственно. Очень даже недурственно»

Феоктистов (перебивая):

- Не успел я порадоваться, как ты добавил: «Но можно и лучше. Ей Богу, можно...» Далеко мне до тебя, Петька, ты тогда тоже написал об оленях, но взглянул на всё глазами сегодняшнего поэта, воздал, прежде всего, хвалу человеку, великой доброте его.

(Комаров читает глазами стихи Феоктистова).

Феоктистов (нетерпеливо):

- Неужто всё ещё плохи? Я же переделал их.

Комаров:

- Вижу. И всё-таки, брат, ещё сыроваты. Не стоит обижаться. Полезны ведь только спелые плоды. И вызревают они, к сожалению, не так быстро и не везде в полную силу. Как ты думаешь, в чём главная сила стихов Некрасова, Лермонтова, Есенина, Твардовского?

Феоктистов:

- В таланте, конечно.

Комаров:

- Да, они талантливы. Но всякому таланту нужна добрая почва, какое-то земное естество. Вот смотри. Лермонтов - это Кавказ, Некрасов - Волга, Есенин - Рязань, Твардовский - Смоленщина. Мы как-то не задумываемся над этим, а следовало бы. Самые теплые, самые душевные слова у человека находятся в тех местах, где он вырос, провёл лучшие годы. А ещё я убеждён, что истинные строчки рождаются не в голове, а в сердце поэта. Вот послушай:

Застигнутый последней метой
И, не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придется умереть.
Благословлю её просторы,
Где слушал песни звонких рек,
Любил поля, леса и горы,
Как любит русский человек!

Знаешь о какой земле написано? О нашей. И хорошие стихи о самой отдалённой «периферии» нужны не меньше, чем о Москве и Ленинграде.

Нина:

- Ты бы, Петя, рассказал другу о своей заветной тетрадке, может, и он заведёт. (обращаясь к Феоктистову): - В специальную тетрадку он записывает столбиками, друг против друга, самые цепкие, самые интересные, неожиданные и полнозвучные рифмы, чтобы потом «цеплять» поэтические строки, например: пойма - обойма, бинокли - промокли, порог - продрог.

Комаров:

- Рифмы мои дорогие, это же поэтический цемент, без которого ничего путного не построишь. Вот недавно, перед самым моим отъездом сюда, один важный человек принёс в редакцию тетрадку своих стихов. Вы не поверите, он рифмует землю с водой, берёзу с тополем, хотя по всему видно - человек он способный, пришлось прямо сказать ему, что он просто боится лишнего труда, потому и плюёт на законы поэзии. Обиделся. А ну, брат, давай рифму к слову «над Амуром»

Сергей:

- Хмурым.

Комаров:

- Ну, это не соответствует истине. Амур-то наш чаще бывает весёлым, весь в солнечной голубизне. А если... Дымокурор, что скажешь?

Сергей:

- Надо записать, удачное слово.

Коиаров:

- Иван-чай...

Сергей:

- Выручай.

Комаров:

- Зея.

Сергей: (задумался):

- Что-то ничего созвучного в голову не приходит.

Комаров: (шутливо подсказал):

- Зея - утащила ротозея. Она, брат, такая: чуть зазевался и поминай как звали.

Сергей:

- Трудно с тобой тягаться в этой игре. Ты, вон, как рыба в воде.

Нина:

- Петя, а может в издательстве в твоём сборнике всё же опечатка вышла?

Комаров: (сердито чертыхнулся)

- Какая там к лешему опечатка? Самая настоящая редакторская глупость. Такую строчку испортили! (помрачнел и, обращаясь к Феокистову):

- У меня же было «...Весна над равниной из цветов вышивает узор,» а тут «Из туманов...» и, представляешь, «соткала». Да и какие могут быть из туманов узоры? И ударение, ударение-то в слове «соткала» где? Они, видать, думают, что на Дальнем Востоке ничего нет, сплошные туманы. (схватился за грудь и начал кашлять), потом продолжил:

- Понимаешь, Сергей, стихи, которыми я жил, вынашивал по строчке, по слову, как дорогое дитя... (сунул руку в карман, достал папиросу, но не закурил, а ожесточённо смял её и бросил в траву)

- Это же кощунство над поэзией! (уставшим голосом добавил):

- И дёрнула меня нелёгкая послать им рукопись... ?

За забором послышалась возня. Все обернулись и увидели кучку детей, о чём-то спорящих.

Мальчуган в клетчатой рубашке с ляжкой через плечо и в коротких штанишках требовал:

- А пусть мышка споёт песню. Я - кот, поймал её? Поймал. Пусть исполняет желание кота - это игра такая.

Веснушчатая девчонка с тоненькими косичками бойко парировала:

- А я не умею петь.

Мальчик:

- Тогда спляши!

Девочка:

- И плясать не умею. Лучше стихотворенье расскажу. Можно?

Мальчик - «кот» с разодранной штаниной - помолчал для солидности, потом объявил:

- Можно, только чтобы интересно было...

Девочка опустила руки по швам и начала с забавной картавинкой:

- К огороднику во двор
Часто бегал заяц - вор.
Он капусту воровал
И морковку вырывал.
Звероловы за покражу
Зайца вымазали сажей.
Чёрный заяц, белый снег-
Он теперь виднее всех.
И уже на огород
За капустой не идёт.

Ребятишки звонко рассмеялись.

Комаров сунул сборник Феоктистову, быстро подошёл к детворе и, обняв «Мышку», спросил:

- Как тебя зовут, девочка-мышка?

Девочка (растерянно): - Маша.

Комаров:

- Спасибо, Машенька! Откуда ты знаешь это стихотворенье?

Маша:

- С мамой учила.

Комаров:

- Оно тебе нравится?

Маша:

- Очень нравится, потому и выучила.

Растроганный он смотрел и смотрел на «Мышку».

Девочка с удивлением спросила:

- Дяденька, вас кто-нибудь обидел?

Комаров:

- Да кто же может обидеть такого большего дядю, мышка-малышка? Это у меня от дождика. Ну, да ладно. До свиданья, ребята. Будьте счастливы! И ты, Машенька тоже будь счастлива!

(Повернулся к жене и к Феоктистову):

- Вот бы кого мне в редакторы! Машеньку эту, а не тех взрослых умников, что у нас там сидят, взяла и выкинула из моего стихотворения про зайца целых две строфы. И короче стало и понятнее!